

Рос. Вестч. - 1993. - 10 апр. - с. 6

Он сказал мне с глазу на глаз

К истории издания «Доктора Живаго»

Витторио СТРАДА

Впервые я побывал в Москве летом 1957 года по случаю Международного фестиваля молодежи. Несколько месяцев спустя я вновь вернулся в Москву, где провел ряд лет в качестве аспиранта филологического факультета Московского университета. К тому времени я только что успел защитить диплом по философии в Миланском государственном университете, знал довольно неплохо русский язык (в 1955 году издательство Эйнауди опубликовало в моем переводе повесть Виктора Некрасова «В родном городе») и был членом Итальянской компартии, хотя и стоял на «еретических» позициях.

«Ересь» проявлялась, например, в том, что я воспринял со вздохом облегчения и надеждой «секретный доклад» Хрущева. Я бы не сказал, что по-настоящему был ослеплен о том, что в те годы стало именоваться «культом личности», то есть о сталинизме. Да и в отношении к ленинизму я тогда придерживался только частично критического взгляда (ограничившегося по преимуществу его собственно философской стороной и ленинской теорией партийности литературы и культуры). Словом, я был «ревизионистом», и мой ревизионизм впоследствии благодаря опыту жизни и углубленным размышлениям будет все усиливаться и усиливаться, пока не приведет к тому, что лет пятнадцать назад в одной из своих работ я назвал «постмарксизмом», и к выходу из компартии.

В 1956 году я начал сотрудничество с итальянским левым еженедельником по вопросам культуры «Контемпоранео» («Современник»), на страницах которого публиковал статьи о советской литературе. Эти статьи сразу вызвали полемические нападки на меня со стороны советских идеологов и итальянских сталинистов. Особенно раздражала многих моя статья, написанная по поводу самоубийства в мае 1956 года Александра Фадеева, главного идеолога и руководителя советской литературы периода «социалистического реализма». Из затруднительного положения, в котором я оказался после публикации этой статьи, вызвавшей негодование, мне совершенно неожиданно помог выйти Илья Эренбург, пользовавшийся тогда большим авторитетом среди левой интеллигенции Запада. В один из своих приездов в Италию он заявил публично, имея в виду мои статьи в «Контемпоранео» и особенно статью о Фадееве, что «я понял все», и выразил желание познакомиться со мной, но наше знакомство состоялось только позднее в Москве.

Другой эпизод относится к моей первой

статье в «Контемпоранео», посвященной выступлению, которое вызвало в СССР настоящий скандал, советского литератора Владимира Померанцева «Об искренности в литературе». С уверенностью, удивляющей сегодня меня самого, обращаясь к руководителям Союза писателей, я заявлял в своей статье: «Померанцевы, с трудом выставленные за дверь, упорно лезут в окно», то есть утверждал, что новые веяния в советской литературе ретроградом одолеть не удастся.

Когда в августе 1957 года я зашел в здание Союза писателей на улице Воробьевского, Алексей Сурков, один из тогдашних секретарей Союза, намекая на мою статью, указал мне на окно своего кабинета и, смеясь, сказал, что через это окно к нему возвращаются Померанцевы, которых он гонит в дверь. Это было остроумное замечание, однако пророком оказался я, в чем сам Сурков вполне мог убедиться в последние годы жизни.

Главным событием моей первой пьянящей встречи со страной, которую я любил и продолжаю любить и которая до этого была лишь объектом моих мечтаний и размышлений, было знакомство с Борисом Пастернаком. Группа сотрудников «Контемпоранео», и я в их числе, была приглашена на обед к нему на дачу в Переделкино.

Против своего желания и не без чувства некоторого смущения я оказался в центре внимания не только в силу того, что знал русский язык, но и потому, что Пастернак был знаком по переводу с итальянского с моей недавней статьей, посвященной ему и опубликованной в «Контемпоранео». То, что статья действительно понравилась Пас-

тернаку (может быть, больше с этической, чем, собственно, с литературной точки зрения), стало ясно не столько из похвал, которые он с его несравненной щедростью сыпал по моему адресу, сколько из его последующего поведения, о чем я хочу рассказать здесь впервые.

В конце обеда, перед нашим уходом, Пастернак дал мне в присутствии всех папку, сказав, что она содержит его новую, неизданную автобиографию. Он хотел, чтобы я прочитал ее и возвратил ему перед отъездом из Москвы. Мои соотечественники и особенно советские гости не скрывали зависти. Ведь я мог прочесть еще не опубликованную вещь Пастернака, а кроме того, своим поступком писатель показал, с каким доверием относится ко мне. Хочу уточнить здесь, что о «Докторе Живаго» я тогда почти ничего не знал. Мне было известно только, что роман под таким названием должен выйти в итальянском переводе у итальянского издателя Фельтринелли сразу же после публикации в Советском Союзе. О том, что дела обстояли не так просто, я узнал вскоре после этого при обстоятельствах, которые произвели на меня глубокое впечатление.

Признаюсь, что в свете моего первого контакта с тогдашней Москвой я не смог прочитать автобиографию Пастернака до конца. Признаюсь также, что, хотя я и полагал, что имею некоторое представление о советских порядках, моя тогдашняя наивность была настолько велика, что я спросил у одного моего приятеля из Союза писателей, где можно сфотографировать рукопись, чтобы спокойно прочитать ее у себя, если Пастернак даст на это разрешение.

Помню, что мой знакомый посмотрел на меня как на сумасшедшего, а потом, поняв, что я говорю с неподдельной искренностью, кратко объяснил мне, что в Москве нельзя делать фотокопий. Но моя наивность была настолько обезоруживающей, что он уступил другой моей просьбе, которая сейчас мне самому кажется просто нахальной. Речь шла о том, чтобы Союз писателей предоставил мне машину для поездки в Переделкино и передал Пастернаку его рукописи.

Я поехал в Переделкино один, не считая, конечно, шофера. На даче царил иная атмосфера. В первый раз нас принимали здесь очень сердечно, но все же во время встречи сохранялся некоторый дух официальности, тогда как теперь я имел счастье видеть писателя и его близких в простой, домашней обстановке. В саду дымил самовар, гости - все русские - были своими людьми.

Среди других присутствовали актер Борис Ливанов и писатель Всеволод Иванов. Пастернак, увидев, что я немного оробел, с

большим тактом, ненавязчиво помог мне освоиться в новой для меня обстановке, и я провел несколько блаженнейших часов; счастливый от сознания того, что я в доме Пастернака и окружен симпатией и сердечностью его друзей. Но поскольку шофер ждал меня, я должен был в конце концов распрощаться. Пастернак отозвал меня в сторону и через кухню провел в небольшую гостиную. То, что он сказал мне с глазу на глаз, не столько объяснило мне смысл его автобиографии, которую я ему уже возвратил, сколько раскрыло глубину доверия ко мне, человеку, по сути дела, ему незнакомому.

Пастернак признался, что публикация его романа встретила сопротивление в его стране и что несколько дней тому назад его вызывали в Союз писателей, где секретарь Союза Алексей Сурков, подданный и другими функционерами, устроил ему безобразную сцену, заставив направить телеграмму Фельтринелли с просьбой остановить итальянское издание «Доктора Живаго». Ошеломленный, я растерянно смотрел на Пастернака, он же, положив руку мне на плечо, совершенно спокойным голосом сказал:

- Витторио, эта книга для меня - дело жизни. Передайте Фельтринелли: я хочу (он подчеркнул слово «хочу»), чтобы моя книга вышла во что бы то ни стало. - Затем добавил, что в случае новых «запретов» с его стороны на публикацию романа они не должны приниматься в расчет. Я, естественно, обещал исполнить его желание. Мы вышли из дома и попрощались.

В Италии в Милане я не смог повидаться с Фельтринелли и передал слова Пастернака одной его ближайшей сотруднице, моей сокурснице по университету, с тем чтобы сообщила их издателю. Остальное известно. Фельтринелли вел себя в высшей степени корректно и никогда, насколько мне известно, никому ничего не говорил о переданных словах Пастернака, взяв на себя всю ответственность за публикацию романа, тогда как в действительности это отвечало желанию автора и не было актом произвола итальянского издателя. Тем более что вначале идея опубликовать «Доктора Живаго» по-итальянски имела чуть ли не официальное одобрение, поскольку роман должен был выйти и в Советском Союзе. Рукопись была передана представителю издательства Фельтринелли, чтобы приурочить перевод к выходу советского издания романа. Скандал же возник вследствие запрета на публикацию в Москве.